

более никакой радости при мысли о своей деятельности, чувствовал уверенность, что она спорится гораздо лучше, чем прежде, и что она становится все больше и больше. Теперь он, точно *против воли*, все глубже и глубже врезывался в землю, как плуг, так что уж и не мог выбраться, не отвернув борозды». И его жизнь «не только не бессмысленна, как была прежде, но имеет *несомненный смысл добра*»¹⁴.

Как видите, это история, весьма похожая на ту, которую пережил сам гр. Толстой во время московской переписи и после нее: подобно Левину, он старался сделать что-нибудь такое, что было бы «добром» для всех, но когда это вышло нескладно и сошло на нет, стал жить *для себя*, и это, как и с Левиным было, имело «несомненный смысл добра». Но Левин живет все-таки не так, как живет гр. Толстой. В чем же состоит то «добро», о котором так много говорят и гр. Толстой, и г. Шестов, в самом заглавии своей книги поставивший «добро в учении гр. Толстого и Ницше»? Г. Шестов оперирует этим словом на всем протяжении своей книги, но определение «добра» дает лишь в конце ее (стр. 190): «добро, т. е. отрицание насилия». Очевидно однако, что и это определение не годится, оно слишком узко для уразумения хотя бы того добра, которое гр. Толстой и Левин собирались делать, и того, которое делали или делают. Выходит что-то очень смутное, и смутность эта находится, я думаю, в прямой связи с указанным мною в прошлый раз недоразумением, которое хорошо выражается переводом слов «Jenseits von Gut und Böse» словами: «по ту сторону добра и зла»¹⁵. Поэтому повторяю: никогда Ницше не думал становиться по ту сторону добра и зла, он предлагал для познания истинного добра и истинного зла стать по ту сторону доброты и злости; никогда не отрицал он «правила» вообще, он предполагал упразднить старые, ходячие правила и дать новые.

На этом я кончу с г. Шестовым и перейду к «Воскресению».

П. П. ПЕРЦОВ

«Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше (Философия и проповедь)» Л. Шестова

Вот безусловно талантливая книга, и в лице ее автора, имя которого не встречалось нам ранее, можно с полной уверенностью приветствовать серьезную умственную силу. Положительно весело смотреть на эти зеленые молодые побеги, которые за последнее время выбегают то здесь, то там из-за каменных пустырей и унылых солончаков нашей правоверной «толстой» журналистики, на страницах которой, конечно, невозможно было бы появление и работы г. Шестова. Что г. Шестов есть

действительно «начинающий», за это до известной степени ручаются некоторые внешние черты его работы — неясность и даже скомканность общего плана, неоднократная тавтология и, наконец, отсутствие своего языка при несомненном присутствии своих мыслей. Книга написана общелитературным, «гладким» языком, — а все, вполне доросшее до самого себя, тем самым вырастает и в своеобразную внешнюю оболочку. Этого «своеобличья» пока нет еще у г. Шестова, но некоторые внутренние черты его индивидуальности проступают уже и теперь, и по ним можно заключить, что автор будет хорошо и «целесообразно» вооружен для битв, ему предстоящих.

Подзаголовок книги выражает и главное ее содержание: философия или проповедь? — таков вопрос, которым автор измеряет глубину и цельность чужого идеализма, и, вместе с тем, таково требование, которое им, очевидно, предъявляется самому себе. «Холодное» искание истины или «горячая» пропаганда морали? — в чем больше правды и высшей смелости духа, в чем больше «пользы» наконец? Само собою разумеется, что огромное большинство «мыслителей», особенно у нас в России, где начали мыслить со вчерашнего дня, решит этот вопрос в пользу «реальной деятельности» проповедников и против отвлеченного «кабинетного мышления» философов. Этические проблемы и чисто-этическое их разрешение есть первое, с чего начинается деятельность мысли, и в аттической философии Сократ предшествовал Платону и Аристотелю.

Впервые отделяющемуся от мира, от «реальной действительности» духу естественно искать разрешения своих сомнений вблизи себя, в той же действительности, и, по неопытности, преувеличивать свои силы и свое реформаторское на действительность влияние. Только после приходят сомнения и в мире, и в себе, уже не успокаиваемые исключительной верой в добро и проповедью добра, противоречия жизни раскрываются — и нужен предвечный Эрос Платона или миродержавный Разум Аристотеля, чтобы дать уже не столько успокоение, сколько примирение.

Наши русские философы все еще не увидели с полной ясностью роковую для них, как для философов, «невозможность служить добру, не жертвуя собой», т. е. не жертвуя всей полнотой и силой своей мысли. Они все еще «проповедуют» «оправдание добра» и «религию, как свет и радость».

Г. Шестов показался нам в этом смысле «новым» человеком, и мы выше потому и назвали его хорошо вооруженным для битв, ему (как философу) предстоящих: в его книге мы нашли полное понимание задачи и совершенное предпочтение истины добру — предпочтение не только философское, но, в конце концов, и этическое, т. е. религиозное, потому что религия как таковая должна включать в себя не только «свет» и «радость», но и мрак, и горе, как включает их в себя

мир. На частных примерах Толстого и Ницше — первого, укрывшегося от бездн философского сомнения под гостеприимную сень самоудовлетворенного проповедничества, — и второго, более смелого в своем искании, часто выдерживавшего весь свет божественных лучей, но, в сущности, также заслонившегося экраном с «этическим» девизом «*Übermensch*», — на этих ярких современных явлениях показывает г. Шестов относительное могущество и значение критерия истины и добра в нашем мирозерцании.

Поднятые им вопросы заслуживали бы долгой и сложной беседы, которой здесь, конечно, не место. В тесных рамках журнальной рецензии нам хотелось только наметить главный, на наш взгляд, нерв писателя, насколько он сказался в этом его опыте. Не можем, однако, не указать также на прекрасное, вполне независимое отношение г. Шестова к избранным им писателям. Такого спокойного, достойного тона по отношению к Толстому и такой чуткой добросовестности по отношению к Ницше мы почти не запомним в текущей нашей литературе, где холопство перед первым и заушения по адресу второго сделались обычными явлениями (вплоть даже до иных наших философов включительно). Между тем, рано или поздно, придется же изменить точку зрения на гениального немецкого философа, нам, правда, пока почти неведомого.

М. Х.

Л. Шестов. «Достоевский и Ницше» (Философия трагедии)

Книга Шестова очень любопытна, несмотря на растянутость изложения, массу отступлений в сторону. Сопоставление Достоевского и Ницше не ново, и Шестов не старается доказать его, а берет это уже как факт. Очень оригинально и смело объяснение «христианского» мировоззрения Достоевского. По мнению Шестова, Достоевский по своему существу есть «подпольный» человек, это сам Раскольников, Иван Карамазов и т. п., а вся его положительная мораль — это симуляция или самообман, в лучшем случае. «Записки из подполья» — это было публичное, хотя и не открытое отречение от всего прошлого. С этого времени Достоевский переродился, и вся его дальнейшая литературная деятельность была направлена на то, чтобы рассказать правду подпольного человека, рассказать свои сомнения в тех идеалах, которые считаются незыблемыми, святыми. «До Достоевского никто не осмелился высказывать такие мысли, хотя бы и с соответствующими